
Дневник Веры
ОЛЬГА ЛУЧИНА
Иногда, чтобы идти дальше, нужно вернуться туда, где все началось...

Ольга Лучина
Дневник Веры

https://litres.ru/74724068
SelfPub; 2026

Аннотация

Случайная находка — дневник юности — заставляет Веру вернуться к прошлому, от которого она долго старалась убегать. На этих страницах девушку ждет история любви, определившая ее жизнь и разбившая на осколки. Путь от романтических иллюзий — к жесткому миру взрослых потерь. И ей придется пройти его еще раз, чтобы понять, готова ли она отпустить то, что случилось двадцать лет назад.

Содержание

Пролог 4
Глава 1 8
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Ольга Лучина
Дневник Веры

Пролог

Старый дом затаил дыхание. Будто бы он медленно, с тихим и протяжным стоном, выдохнул вместе со мной, когда я переступила его порог. Дом утратил ту хаотичную энергию, что рождается из мириад мелочей — едва уловимых и трепетных проявлений жизни. В этой пустоте застыл затхлый аромат, въевшийся в стены, пол и мебель. Казалось, дом обладал собственной памятью и не желал ничего забывать. Косые лучи заката рассекли застывший воздух. В нем от моих неловких шагов медленно взмывала пыль. Внутри дома все напоминало выцветший снимок из старого альбома, где контуры реальных дней расплылись, оставив лишь зыбкий отпечаток ушедших лет. Здесь уже больше полугода никто не жил.

Смерть мамы и еще одно расставание вынудили меня вновь отринуть прошлое. И я твердила себе, что это не бегство, а всего лишь попытка начать новую главу. Убеждала себя, что стенам этого дома, впитавшим столько смеха и слез, не стоит становиться темницей для души, которая отчаянно жаждет забвения. И решила, что половина маминых вещей

переедет со мной в старую квартиру.

Поэтому оказалась в подвале ее дома, который она купила для себя, мечтая встретить в нем старость. Но внезапная болезнь не дала этому свершиться и рано забрала маму. Никогда не знаешь, в какой момент наступит твой час икс.

Для меня это место стало последним рубежом обороны, где минувшее отчаянно цеплялось за зыбкую почву настоящего, не желая отпускать свою пленницу.

Крошечное окно в подвале, затянутое паутиной и грязью, напоминало экран старого телевизора, сквозь который с трудом пробивался угасающий свет осеннего дня. Он ложился неровным пятном, словно луч прожектора на пустой сцене. И выхватывал из сгущающегося мрака силуэты забытых свидетелей иной жизни. Эдакие хрупкие сокровища прошлого, которые часто прячутся в подобных местах.

Мой взгляд остановился на небольшом потертом чемоданчике. Я сразу его узнала. Он был сшит из кожи, которая когда-то, должно быть, имела теплый шоколадный оттенок, а сейчас поблекла и пошла трещинами. Этот «тайник» сопровождал меня с самого детства — единственная вещь, оставшаяся от дедушки. В нем хранилось все, что в разные моменты моей жизни казалось важным. Но когда-то я перестала пользоваться им по назначению, потому что…

Впрочем, неважно. Однажды я просто отдала его маме. А она оставила чемоданчик здесь среди полок с овощными и ягодными закрутками. Будто надеялась, что когда-нибудь

он мне все-таки понадобится. Потому положила на видное место, хоть и в подвале.

Я подошла ближе и, не раздумывая, открыла его. Внутри, поверх хаотичной груды пожелтевших конвертов с засушенными листьями и стопки поздравительных открыток, покоилась та самая обыкновенная школьная тетрадь. В блеклой бежевой клеенчатой обложке на пружине, с веточкой на обложке. Но для меня она была чем-то вроде сейфа, в котором хранился драгоценный и хрупкий клад — осколки моей собственной души. Сердце, до этого бившееся ровно и едва слышно, внезапно сорвалось на тревожную, гулкую дробь.

«Мой дневник», — сообщила первая страница. Эти слова были выведены моим неуверенным и угловатым почерком.

Я опустилась на прохладный каменный пол, прислонившись спиной к шершавой бетонной стене. За окном догорал день, заливая подвал багряными и золотыми оттенками. И окрашивали пыль в цвет янтаря. Пальцы сами нашли нужную страницу.

Чернила, когда-то ярко-синие, выцвели и слегка расплылись. Но слова будто остались живыми. Они кричали от восторга, смеялись до слез и шептали свои тайны. И принадлежали, казалось, другой девушке — той, что не знала, какие тучи сгустятся над ее горизонтом и бури, что перевернут хрупкий мир.

«6 ноября, 2004 год…» — гласил заголовок одной из записей в дневнике.

Я крепко зажмурилась, позволяя волне ностальгии накрыть меня с головой и увлечь за собой — прочь из настоящего. Поздняя осень две тысячи четвертого. Воздух, пахнущий прелыми листьями. Резкий скрип велосипедных тормозов. И это головокружительное, сладкое чувство полного безумия. Воспоминания вернулись ослепительной вспышкой.

Я собиралась начать все с чистого листа. Отчаянно этого хотела. Но судьба, явившаяся в облике дедушкиного чемодана и старого дневника, с безжалостной иронией подсунула мне самую важную главу моей собственной истории.

Похоже, мне предстояло перечитать эту историю. Найти тот роковой изгиб сюжета, где все покатилось под откос. Или, напротив, убедиться, что каждый миг, слово и чувство неизбежно вели в эту точку — так, как и было предначертано. И хотя бы на мгновение услышать далекое, но ясное эхо прошлого — того, что ухватилось за меня мертвой хваткой и больше не желало отпускать. Одна слеза скатилась по щеке, затем вторая, оставляя влажные следы на коже.

Глава 1

Ноябрь в Северной столице — это особенная меланхоличная симфония. Вокруг все пахло горьковатой свежестью мокрого асфальта, который никогда не успевал просохнуть. А еще неизменно нес в себе эфемерное, ускользающее обещание чего-то грандиозного и нового.

Для Веры Соколовой, четверокурсницы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, это обещание ежедневно разбивалось об утомительную реальность. Она жила семинарами и лекциями по старославянскому и вечной необходимостью подрабатывать, чтобы не обременять маму и хоть как-то обеспечивать себя. Потому по выходным Вера проверяла тетради по русскому языку одной вечерней школы.

В эту субботу, одной из серых петербургских, девушка мчалась по Университетской набережной, пытаясь не опоздать на пару. В одной руке сжимала новенький томик Пелевина, купленный в «Буквоеде». В другой, наперевес с женской сумкой, теплый стаканчик кофе «с собой», который служил топливом для измученного мозга. И время от времени Вера поправляла любимые красный берет и шарф, которые связала ей мама.

В дешевых проводных наушниках, плотно вставленных в уши, ее старый плеер проигрывал песню «Зверей» «До ско-

рой встречи», заглушая рев города. Но даже это было бессильно перед ее внутренней тревогой — постоянной спутницей любого студента: времени всегда катастрофически мало, денег не хватает, знаний недостаточно, а страх отчисления из-за любой ошибки не отступает.

Именно в этом состоянии спешки случилось непредвиденное. Прямо из тумана, что всегда висит над набережной, вынырнуло что-то темное и стремительное, как мгновенный мираж. Вера, пошатнувшись, от неожиданности попыталась отпрыгнуть назад, но запуталась в ногах. Случился до слез неловкий пируэт: из рук выскользнули и Пелевин и стаканчик. Густая бежевая жидкость с молоком и сахаром веером расплескалась по ее новому светлому пальто. Купленное на первые честно заработанные деньги с проверки тетрадей и потому имевшее для нее большую ценность.

— Да блин! — вырвалось у Веры.

Незнакомец резко затормозил, а затем спрыгнул с велосипеда. Неизвестный оказался молодым человеком, на вид лет двадцати, высокий, с короткими черными волосами. Длинные, худые ноги в джинсах, протертых на коленях, темно-синяя куртка нараспашку и серая футболка с выцветшим принтом «КиШ». Лицо — угловатое, с острыми скулами и квадратным подбородком. А взгляд насмешливый, чуть прищуренный. Парень не был классическим красавцем, как подметила для себя Вера, но имел тот редкий тип внешности, который запоминается надолго.

— Прости, — произнес наконец незнакомец. Его голос был низким, немного хриплым.

Парень поднял промокший томик Пелевина, небрежно отряхнул страницы и, заметив название, усмехнулся.

— «Священная книга оборотня»? Серьезно? — он покачал головой, цокая. — Это же постмодерн в действии.

— Рада, что ты читал. Отдай! — Вера выхватила книгу, ощущая, как ее лицо вспыхивает румянцем. — Еще скажи, что это я во всем виновата.

— Виноваты обстоятельства, — сказал он философски, пробежавшись по Вере оценивающим взглядом, от которого та невольно почувствовала себя героиней романа, впервые представленной читателю. — Ты витала в своих облаках, — он указал на ее ухо, — А я — в моих. Столкновение наших миров было неизбежно.

Вера не заметила, что от резких движений один наушник выпал и безвольно повис на плече. Незнакомец говорил без заискивания и вежливых извинений. Вел себя так, будто они оба — Вера Соколова и он — были двумя ключевыми персонажами какого-то абсурдного, но захватывающего спектакля, поставленного в осенних декорациях Петербурга.

— Александр, — произнес он, протягивая ладонь.

На ней лежала белая визитка: «Александр Н.», и ниже — мобильный номер. Ни фамилии, ни профессии, ни адресов. Загадка на маленьком картоне.

— Вера, — пробормотала она, нехотя беря карточку, и

зачем-то добавила: — Филфак.

А после небольшой паузы с обидой сказала:

— Ты испортил мне пальто, которое теперь нужно как-то отстирать.

— Пальто отмоется, Вера. А впечатление останется, — Александр едва заметно прищурился и усмехнулся.

Его взгляд скользнул по ее лицу, задержался на глазах. Это вызвало у девушки острое чувство смущения и внезапной настороженности.

— Я возмещу ущерб. Сегодня вечером. У «Книг и кофе» на Грибоедова. В семь.

Затем резко вскочил на велосипед и растворился в серой дымке, оставив Веру с мокрым пальто, испачканной обложкой и загадочной визиткой.

На лекцию Вера, конечно, не попала. Тревога сменилась навязчивой идеей вернуться в общежитие на Васильевском, чтобы спасти дорогую вещь. А преподаватель простит, ведь она еще с прошлого года была у него на хорошем счету.

***

Комната Веры, номер триста пятнадцать, находилась на третьем этаже общежития, рассчитанная на троих. Само здание было переполненным. И буквально впитало в себя чужие жизни и запахи: вареная гречка, жареная рыба, дешевый порошок и сигаретный дым.

В той самой комнате витала своя атмосфера. Соседки — Настя и Света — сидели на койках, уткнувшись в конспек-

ты. Они разделяли стремление Веры быть прилежными студентками, а потому брали с нее пример и в выходные готовились к грядущим семинарам.

Настя, будущая экономист, прагматичная и скептичная, подняла голову:

— Вера! Ты чего так рано? Вроде же пошла на Старославянский. — Она уставилась на пальто. — Что с тобой стряслось?

Света, историк и вечный романтик, вскочила, отложив тетрадь, заметив растерянность Веры.

— Ох, Верка, кто это сделал? Это же твое новое… Тут наверняка какая-то интересная история. Рассказывай! Ой! Надеюсь, на тебя не напали…

Настя фыркнула, не отрываясь от конспектов.

— Забудь, Свет. Она нам опять ничего не говорит. Как начала подрабатывать, так и молчком с нами, — и махнула рукой в сторону своей тумбочки. — Вон, возьми мой таз, застирай пятно водой с уксусом, пока окончательно не впиталось.

— Да чего там рассказывать, — с досадой ответила Вера, поняв, что действительно стала меньше общаться с соседками. Хотя еще полгода назад они делились всем подряд. — Столкнулась с одним идиотом и разлила кофе на себя. Вот и вся история.

Она вытащила визитку из кармана и зажала в руке. Затем сняла пальто и бросила в таз, набирая горячую воду в рако-

вине их крошечной кухоньки. Движения Веры были нервными. Она хотела избежать темы таинственного Александра на велосипеде, но Настя приметила ее молчание.

— Секундочку. «Идиот»? — Настя подошла к соседке, прищурилась и ткнула пальцем в ее руку. — Ты там что-то прячешь.

Вера сжала руку в кулак. Но было уже поздно — соседки в один голос потребовали доказательств. Она вздохнула и разжала пальцы, показывая визитку. А потом все-таки рассказала всю историю столкновения.

— Это он оставил. Сказал, что возместит ущерб, — проговорила Вера и передала карточку соседкам.

Света ахнула:.

— «Александр Н.» и номер. Загадка, Вера! Он тебя очаровал, признайся.

— Очаровал? — отрезала Вера. — Он обозвал книгу Пелевина «постмодерном» и вел себя так, будто мы персонажи спектакля. Самонадеянный и невоспитанный.

Настя, посмотрев на номер в карточке, покачала головой.

— А я думаю, он просто хитрый. Сразу назначил место и время. «Книги и кофе» — уже заявка на интеллект. Там же собираются все сливки литературной тусовки.

Обе посмотрели на Веру так, будто требовали: «Не смей упустить эту историю!» В их мирах, где романтика была роскошью, этот «Александр Н.» выглядел как «тот самый» сюжет.

Вера буркнула соседкам: «Подумаю». А потом убрала визитку в карман джинсов и вернулась к тазу с пальто. Она пыталась отстирать пятно, но на самом деле отчаянно старалась стереть из памяти образ незнакомца. Рассудок, воспитанный на классике и здравом смысле, кричал, что с такими людьми из «тумана» шутки плохи. Но где-то глубоко шептал другой голос: «А что, если это и есть та самая настоящая история? Тебе не надоело быть просто Верой Соколовой из комнаты триста пятнадцать, с жизнью, расписанной по минутам?» И, в конечном итоге, этот шепот оказался сильнее доводов разума.

***

Ровно в семь вечера Вера стояла под холодным светом фонаря у витрины «Книг и кофе». Она нервно теребила ремешок сумки, осознавая: это не свидание, а смелый прыжок в неизвестность. И это, возможно, окажется намного запутаннее самых замысловатых романов. Но все же любопытство взяло верх. На самом деле она шла за ответами не только от Александра, но и от себя самой.

Он появился так же внезапно, как и в первый раз, однако уже пешком и выйдя из-за угла здания. Руки держал в карманах джинсов и был в той же черной куртке, но теперь застегнутой. А за плечами висел рюкзак. В свете фонаря в глазах Александра заблестели зеленоватые искорки.

— Привет, Вера с филфака. Я был уверен, что ты такое не пропустишь, — улыбнулся он. — Пойдем, но не в помеще-

ние. Кофе, конечно, здесь приличный, но вид лучше в другом месте.

Он снова не спросил, а просто повел. И Вера, к собственному удивлению, послушно последовала.

Они свернули с канала Грибоедова и через несколько минут оказались в одном из тех дворов-колодцев, спрятанных за арками: пустом и освещенном лишь одиноким фонарем. В углу, у стены дома, стояла старая деревянная лавка. Александр достал из рюкзака термос и пригласил присесть.

— Глинтвейн, — пояснил он, наливая густую ароматную жидкость в крышку. И протянул Вере. — Собственного приготовления. Холодно уже. Бери, не бойся. Это не отрава.

Она осторожно взяла импровизированный стакан. Их пальцы чуть соприкоснулись. И сердцебиение девушки сразу участилось.

Они несколько минут сидели на лавке, в тишине двора, и пили глинтвейн с корицей и апельсином. Вере понравился терпкий и цитрусовый вкус.

— Так кто ты, «Александр Н.»? — спросила она. — Студент-архитектор? Поэт? Антиквар? Философ?

Он тихо рассмеялся. Его смех напомнил мультяшный и скрипичный звук.

— Политолог, — ответил он, глядя на пар над термосом. — Будущий, если доучиться. А Н. это фамилия, Никитин. Не стал писать полностью, уж слишком официально.

— Политолог? — она не скрыла удивления. — Непохож

ты на тех в галстуках и с дипломатами.

— Разочарована, — хмыкнул он. — Да, я не из них. Я больше по части волшебников. Смотри. — Он достал из рюкзака фотоаппарат, быстро щелкнул со вспышкой. Затем указал на штукатурку стены, где фонарь выхватывал облупившийся рельеф. — Видишь тень от карниза, там ветка. Получается профиль спящей кошки. Недавно приметил. Уже который вечер появляется. А никто, кроме нас, такое и не заметит. Людям обычно все равно.

Вера всмотрелась и улыбнулась: в очертаниях действительно угадывался силуэт животного. Похоже, Александр умел превращать обыденность в игру.

— Так вот зачем тебе визитка. Ты фотограф, получается? — догадалась она.

— Виновен. Периодически подрабатываю. Хотя начиналось как хобби. А ты? — спросил он и повернул колени в сторону Веры, коснувшись ее ног.

И она рассказала. Сначала про проверку школьных тетрадей, а потом вдруг поделилась тем, о чем знала только мама. Что хотела создавать тексты, похожие на этот вечер — теплые и оставляющие след. И иногда чувствовала себя призраком в собственном городе, видящим всех, но при этом невидимым для других. Поэтому создала небольшой блог на ЖЖ, где делилась разными мыслями. Но маму не интересовала ее деятельность, кроме самой учебы и подработки, поскольку та считала такого рода увлечения несерьезным заня-

тием.

— Ты не призрак, — тихо произнес он со всей серьезностью. — Они вот так не горят изнутри. И не краснеют, когда злятся. А ты сейчас выдала настоящий спектр эмоций.

Он сказал это так по-простому, словно снял с нее невидимые оковы. Мысленно Вера ликовала, что кто-то наконец ее понимает. И затем Александр добавил:

— Знаешь, мне это знакомо. У меня точно так же с фотографиями: вижу этот мир, но чувствую себя в нем чужим. И с родителями: они, как и твоя мама, не одобряют то, чем я занимаюсь помимо учебы. Но я все равно продолжу это делать.

Сердце Веры екнуло. Она почувствовала с ним некую близость. В этот момент ей захотелось прижаться к нему и положить голову на плечо. Но посчитала это слишком легкомысленным и поэтому произнесла:

— Иногда людей объединяют такие вещи. Как у нас с тобой. И им становится радостно оттого, что есть еще один такой же, как и я.

— Согласен, — улыбнулся парень. — И я бы хотел найти больше подобных сходств в нашем случае. А ты?

Лицо девушки зарделось, и она смущенно ответила:

— Я тоже.

Они выяснили, что, оказывается, учатся в одном университете. А затем обсудили разные фильмы, которые недавно посмотрели: «Соучастник», «Александр» и «Терминал». А

потом внезапно заговорили о новом альбоме «Ленинграда». И еще о том, что у всех теперь были мобильные, но звонить было некому. В этот момент парень попросил ее номер. Веру это позабавило, и она с радостью им поделилась.

Когда глинтвейн закончился и холод уже пробрался под одежду Веры, Александр, будто почувствовав, встал и уверенно сказал:

— Пора домой. Пойдем, провожу тебя до метро.

Они зашагали по опустевшим улицам, иногда разговаривая о погоде и о запахе питерских подъездов. Он не держал ее за руку, как хотелось Вере, но шел так близко, что рукава их курток соприкасались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.